

НАТАЛИЯ ЛАВРИНЕНКО,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины

О новых методологических подходах к исследованию института гендера

Abstract

The article's theoretical conception proves that gender as a social phenomenon is wider and more complicated than merely the "gender order" notion, because gender is a social institution. The author analyzes the following components of the social institution of gender: gender statuses, gendered division of labor, gendered kinship, gendered biological (sexual) scripts, gendered characteristics of personality, gendered social control, gender ideology, and gender imagery. General discussions on gender components are reinforced with the data of sociological research on gender problems conducted in Ukraine. As a possible methodological approach for the study of gender institution may be used the theory of the social construction of gender developed by feminist researchers.

В последнее десятилетие в постсоветском пространстве наблюдается «бум» публикаций, диссертаций, исследований, в названии которых присутствует термин «гендер». Причем довольно часто его употребляют «всеу», заменяя вполне устоявшийся в научном обороте термин «пол». Такое некритическое использование импортированной с Запада научной категории совсем не безобидно, поскольку подобная псевдо-«гендеризация» социальных наук приняла угрожающий характер и может привести (и уже приводит) к абберациям методологического базиса гендерной теории, что, безусловно, дискредитирует ее сущность в глазах научной общественности. Поэтому ряд специалистов в области гендерных исследований проявляют глубокую озабоченность по поводу методологической неграмотности (С.Ушакин, С.Шакирова, Г.Брант), порождающей неразбериху в методологических основаниях, на которых построены многие публикации по гендерной проблематике. Нередко в одной работе используются без должных пояснений противоречащие друг другу теории и концепции. Эти факты обусловлены не только элементарным непрофессионализмом некоторых исследователей, но и тем, что по гендерной проблематике часто высказываются активисты женских организаций, имеющие самое общее и приблизительное представление о гендерной теории.

К тому же большинство исследований по гендерной проблематике являются эмпирическими, страдают мелкотемьем. А самое главное, эмпирические результаты исследований публикуются без указания *теоретической базы*, используемой при составлении программы исследования. Часто автор не идет дальше замечания, что гендер — это социокультурный феномен. Таким образом, остаются невыясненными *базовые теоретические проблемы классификации самого феномена гендера*. И главная из этих проблем — *что же такое гендер: социокультурное разделение труда, гендерный контракт, гендерный порядок или это более высокая степень хабиитуализации человеческой практики — социальный институт*.

В силу вышесказанного была поставлена задача — *обосновать и подтвердить эмпирическими данными теоретическую концепцию, смысл которой состоит в следующем: феномен гендера сложнее, чем просто “гендерный порядок”, и по сути является социальным институтом*.

Многие исследователи отмечают возрастание в нашем социуме и в настоящее время значимости такого структурообразующего признака, каким является гендер. Фактически произошло упрощение социальной структуры украинского общества до двух четко просматриваемых групп: богатых, “новых украинцев” (приблизительно 5–10%) и бедных (70%). Поэтому актуализуется понимание таких глубинных критериев социального деления человеческих сообществ, как гендер, этнос, возрастные характеристики. Вслед за И.Гофманом можно сказать, что “в нашем обществе имеются четыре решающих *диффузных (широко распространенных) статуса*: возрастная градация, гендерная принадлежность, социальный класс и раса” [1, ч. 2, с. 95].

Категория биологического пола становится *гендерным статусом* через “называние” (присвоение имени), одежду и использование других гендерных признаков. В англоязычной литературе для обозначения этого явления употребляют термины “создание гендера” (*doing gender*), “производство гендера”, “практики гендера”.

Объяснить, почему это создание (построение) гендера совершается с момента рождения, постоянно и каждым индивидом, можно, исследуя не только индивидуальный гендерный опыт, но и сам феномен гендера как *социального института*.

Безусловно, понятие гендера включает разделение труда по половой принадлежности, и гендерный контракт по поводу прав и обязанностей в семье, и *гендерный порядок* как процесс упорядочивания удовлетворения потребностей и интересов индивидов определенного пола, необходимый для того, чтобы человеческое сообщество существовало как целостность и достигало своих целей.

Однако, анализируя природу социального феномена гендера, можно утверждать, что он отличается достаточно *высокой степенью организации* и соответствует главному критерию определения социального явления как социального института, поскольку в его рамках достигается должная степень взаимной типизации индивидами опривыченных действий по поводу выполнения социально значимой деятельности. Согласно П.Бергеру и Т.Лукману, любая такая типизация есть институт [2, с. 92]. Все эти характеристики в полной мере относятся к гендерным отношениям, транслирующим устойчивые образцы поведения в форме *гендерных ролей*. Причем за неисполнение или не такое, как принято, исполнение этих ролей применяются *санкции*, предполагающие наличие соответствующего *социального*

контроля. Способы поведения и формы отношений в соответствии с исполнением определенных гендерных ролей не просто существуют, но воспринимаются индивидами как должностные, то есть содержат нормативный элемент. Институциональный аспект исполнения гендерных ролей заключается именно в соотносительности с *нормами*. По мнению Т. Парсонса [3, с. 137], выявить наличие элемента институциональности позволяет анализ соответствующего социального феномена на уровне индивида. И применительно к гендеру все действия индивида по его построению производятся в континууме между целями, средствами и нормами.

Правила и нормы, согласно которым функционируют социальные институты, зафиксированы в кодексах, уставах, законах, а иногда только в устной традиции, в общественном мнении. Что касается института гендера, правила и нормы его построения в большинстве культур не имеют законодательного закрепления, но чрезвычайно эффективно действуют через *общественное мнение*, в том числе отражаемое в средствах массовой информации.

Причем в случае социальных институтов присущий им нормативный порядок предполагает нечто большее: он образует *гармоничное целое*. И эта характеристика социального института наглядно применима к институту гендера, где мужское и женское находятся, в идеале, в гармоничном единстве, дополняя друг друга.

Еще один признак наличия социального института — структурная интегрированность последнего в различные сферы социальной реальности. Обращаясь к гендеру, мы наблюдаем его присутствие в важнейших, если не во всех сферах человеческой деятельности; можно говорить о некой *“тоotalности”* этого института. Таким образом, достаточно доказательно можно классифицировать феномен гендера как социальный институт.

Но есть один аргумент, который может поколебать нашу уверенность в том, что в обществе функционирует именно *институт гендера*, а не *некий социальный порядок*. Институт гендера не имеет специальной организации в виде министерства, какого-либо управляющего органа, отвечающего за “правильное”, эффективное функционирование гендерных отношений. Но на самом деле в практике человеческого общежития такой орган имеется, хотя он не формален по своему характеру и называется *“общественное мнение”*; и особенно важно для индивида мнение ближайшего социального окружения, референтной группы.

Социальный феномен гендера имеет неоднозначный смысл, включая множество компонентов, объединяющихся в две основные группы, представляющие гендер как социальный институт и как индивидуальный статус. Согласно типологии, разработанной Юдифь Лорбер [4, с. 30–31], *гендер как социальный институт включает следующие составляющие:*

- **гендерные статусы** — социально предписываемые обществом гендеры (социополовые роли), нормы и экспектации для их закрепления через поведенческую, жестикуляционную, лингвистическую, эмоциональную, психологическую предписанность;
- **гендерное разделение труда** — распределение производительного и домашнего труда между членами общества, обладающими различными гендерными статусами; работа, распределяемая в зависимости от гендерного статуса, влияет на оценку общества этих статусов: так, мужскому статусу, как правило, соответствует более престижная и высокооплачиваемая работа;

- **гендерно предписанное родство**, то есть права и возможности для каждого гендерного статуса в семейной (родственной) ячейке; статусы в системе родства отражают и усиливают престиж и власть, дифференцируя различные гендеры;
- **гендерные биологические (половые) сценарии поведения** — нормативные образцы сексуального желания и сексуального поведения, предписываемые в зависимости от социального статуса. Члены доминирующего гендера имеют больше сексуальных привилегий; члены подчиненного гендера могут быть сексуально эксплуатируемыми;
- **гендерные качества личности** — комбинации характерных черт личности, моделируемых гендерными нормами, которые предписывают определенные чувства и поведение носителям различных гендерных статусов; социальные ожидания других в межличностном взаимодействии постоянно поддерживают унификацию этих норм;
- **гендерный социальный контроль** — формальные и неформальные одобрение и вознаграждение конформного поведения и наказание позором, социальной изоляцией, презрением и медицинским лечением неконформистского поведения; как механизмы социального контроля функционируют *стратегии нормализации гендерного поведения* (приведения к норме); сказать, что гендерные отношения институционализированы, — значит сказать, что они подвержены социальному контролю;
- **гендерная идеология**, оправдывающая существование гендерных статусов, особенно различную оценку их в обществе; доминирующая идеология (маскулинизм) стремится подавить критическое направление мысли, изображая эти оценки как якобы природные;
- **гендерные имиджи (образы)** — культурные репрезентации гендера (гендерный дисплей), его телесности в символическом языке и произведениях искусства, которые репродуцируют и легитимируют гендерные статусы; культура — главная поддерживающая сила гендерной идеологии.

Помимо разработки теоретической концепции была проведена процедура наполнения *составляющих гендера как социального института* эмпирическими фактами украинских реалий. Такая процедура позволяет не только проверить эвристические возможности предлагаемой теоретической схемы, но и, в целом, ее правильность. Для наполнения использовались данные репрезентативных мониторинговых опросов населения Украины, проводимых Институтом социологии НАН Украины начиная с 1994 по 2005 год¹, а также данные опроса “За равные права и возможности”, проведенного в 2002 году Институтом социальных исследований в рамках проекта “Формирование гендерного паритета в контексте современных социально-экономических преобразований” (опрошено более 2 тыс. респондентов, выборка репрезентативна для населения Украины).

Результаты процедуры наполнения эмпирическими фактами приведенной выше схемы института гендера следующие:

- **Гендерные статусы** (в социально-экономическом смысле) четко дифференцируются. Подтверждена гипотеза, что в нашем социуме существует гендерное социальное неравенство в жизненных шансах и возможностях для самореализации личности (жизненные шансы и возможнос-

---

¹ Далее по тексту указывается год проведения мониторинга.

ти как в удовлетворении базовых потребностей, так и в получении образования, повышении квалификации, обеспечении лучшей жизни для детей и т.д.).

Таблица

Собственные жизненные шансы и возможности по оценке мужчин и женщин* (мониторинг, 2003)

Жизненные шансы и возможности	Пол	
	Мужчины	Женщины
Я имею возможность полностью удовлетворять свои нужды в продуктах питания	-0,34	-0,50
Я имею возможность полностью удовлетворять свои нужды в одежде, предметах ежедневного потребления	-0,43	-0,59
При необходимости улучшить условия жизни я могу купить квартиру или построить дом	-0,76	-0,85
Я могу себе разрешить приобретение автомобиля	-0,79	-0,89
Во время отпуска я могу разрешить себе полноценный отдых возле моря, в санатории, пансионате	-0,70	-0,78
Я имею возможность разнообразно, в соответствии с личными интересами проводить свободное время	-0,38	-0,50
Я могу по желанию переехать жить в другой населенный пункт	-0,33	-0,45
Я имею/имел(имела) возможность получить такое образование, о котором мечтал (мечтала)	-0,36	-0,43
У меня есть возможность дать детям высшее образование	-0,36	-0,48
У меня есть возможность получать качественное медицинское обслуживание	-0,55	-0,63
У меня есть шансы осуществить жизненные планы, добиться успеха в жизни	-0,36	-0,50
У меня есть возможность быть обеспеченным человеком	-0,57	-0,68
У меня есть шансы на продвижение по службе, профессиональные перспективы	-0,49	-0,63
Я имею возможность открыть собственное дело	-0,64	-0,72
У меня есть возможность для повышения квалификации, уровня своих знаний и навыков	-0,27	-0,44
У меня есть возможность жить лучше, чем мои родители	-0,15	-0,32
У меня есть возможность сделать жизнь детей лучше, чем моя собственная	-0,18	-0,33
У меня есть возможность иметь интересную, хорошо оплачиваемую работу	-0,43	-0,62

* Индекс рассчитывался по формуле: $I = [(A5 - A1) + 0,5(A4 - A2)] : N$, где A5 — количество ответивших “полностью согласен”; A4 — количество ответивших “скорее согласен”; A2 — количество ответивших “скорее не согласен”; A1 — количество ответивших “совсем не согласен”; N — общее количество тех, кто ответил на вопрос.

К сожалению, с момента рождения жизненные шансы и возможности у индивидов разные, и не каждому удается затем добиться высокого уровня удовлетворения материальных и духовных потребностей, достичь той степени свободы в реализации своих жизненных планов, с которой обычно связывается понятие счастливой, удачно сложившейся жизни. Далее в таблице

приводится субъективная оценка респондентами своих жизненных шансов и возможностей с точки зрения их гендерного статуса (значимость различий на уровне 0,05). Перечень жизненных шансов и возможностей разработан С.Макеевым для мониторинга Института социологии НАНУ 2003 года.

Надо особо отметить, что, согласно данным мониторинговых опросов Института социологии НАН Украины, подавляющая часть населения страны практически не может в полном объеме удовлетворять свои жизненные потребности; индекс жизненных шансов и, соответственно, возможностей их осуществления по всем позициям имеет отрицательную нагрузку. Следует сделать оговорку, что в выборку, на основе которой проходил мониторинговый опрос населения, практически не вошли самые богатые слои населения, так как эта категория в наших условиях избегает “светиться” в опросах и, вообще, не хочет декларировать свой высокий социально-экономический статус. Однако нас больше интересует не этот, а гендерный аспект анализа эмпирических данных. И с этой точки зрения можно говорить, что даже в рамках очень низких жизненных шансов и возможностей удовлетворения потребностей, характерных для подавляющего большинства населения Украины, *гендерные различия проявляются с удивительной закономерностью. И это свидетельствует о действительно более низком социально-экономическом статусе женщины в сравнении со статусом мужчины.*

Практически по всем позициям опросника, отражающим весь спектр материальных и духовных благ, предоставляемых человеку современной цивилизацией, женщины оценили свои шансы и возможности обладать этими благами ниже, чем мужчины. Причем по некоторым возможностям (или, скорее, надо говорить о невозможностях) достижения составляющих жизненного успеха ответы женщин особенно пессимистичны. Это относится к низкой оценке женщинами шансов на “возможность иметь интересную, хорошо оплачиваемую работу”, “продвижение по службе, профессиональные перспективы”, “возможность сделать жизнь детей лучше, чем своя собственная”. Даже по такой элементарной позиции, как “полностью удовлетворять свои потребности в продуктах питания”, возможности женщин, в целом, значительно меньше. И как завершающий штрих, женщины в два раза реже отмечают для себя “возможность жить лучше, чем их родители”, по сравнению с мужчинами.

- **Гендерная идеология.** Несмотря на стремительные перемены в жизни украинского общества, провозглашение ориентации на демократические ценности, а также принятие Закона Украины “Про забезпечення рівних прав та можливостей жінок та чоловіків” от 08.09.2005 г. (закон вступил в действие с 01.01.2006 г.), некоторые сферы сознания населения проявляют себя как удивительно стойкие и стабильные. К их числу можно отнести *гендерные стереотипы*. От 70% до 40% граждан Украины, в зависимости от содержания стереотипного суждения о ролях женщин и мужчин, придерживаются патриархатных взглядов на их гендерное исполнение. Особенно много сторонников стереотипных суждений, когда они касаются публичной сферы, несколько меньше — у относящихся к частной, семейной жизни. Яркий пример: три четверти мужчин считают, что “все основные обязанности женщины должны быть в первую очередь связаны с семьей, а мужчины — с работой” (опрос “За равные права и возможности”, 2002 г.).
- **Гендерное разделение труда** и в нашем обществе имеет тенденцию к закреплению.

Женщины чаще проигрывают в конкурентной борьбе за “хорошее” место на рынке труда, что позволяет экономистам и социологам как неоклассической, так и марксистской направленности говорить о существовании *гендерной сегрегации в сфере профессиональной занятости*. Под гендерной профессиональной сегрегацией по признаку пола понимается тенденция трудоустройства женщин по определенным профессиям, отраслям занятости и должностной иерархии. Различают два вида гендерной сегрегации в сфере занятости: горизонтальную и вертикальную. Под *горизонтальной профессиональной сегрегацией* понимают неравномерное распределение мужчин и женщин по отраслям экономики и профессиям. Так, наибольшая концентрация женщин наблюдается в отраслях, по характеру труда относящихся к сфере обслуживания: работающие в торговле женщины составляют 60%; в системе образования — 74%; в сфере здравоохранения — 82%; в общественном питании — 84%¹. *Вертикальная профессиональная сегрегация* означает непропорциональное распределение женщин по позициям должностной иерархии. Принадлежность к определенной профессии для женщин часто вовсе не означает равного с мужчинами-коллегами доступа к должному продвижению в ней. В пределах одних и тех же занятий мужчины и женщины имеют совершенно разные перспективы профессионального роста, то есть статусные перспективы определенных занятий различны для мужчин и женщин. Особенно это заметно в сфере управления: чем выше социальный статус должности, тем меньше на этих должностях женщин. По данным обследований [5, с. 190], в сфере частного бизнеса предприятий, работающих под контролем и руководством женщин, в три раза меньше, чем возглавляемых мужчинами.

Помимо дискриминации по признаку пола при найме на работу и при продвижении в должности типична ситуация *дискриминации в оплате труда*. По данным мониторинговых исследований Института социологии НАН Украины, на протяжении последнего десятилетия заработная плата женщин составляет в среднем около 60% заработной платы мужчин. Еще существеннее гендерные различия проявляются в доходах населения в целом. Практически во всех возрастных группах уровень доходов мужчин значительно превышает уровень доходов женщин — в среднем в 1,6 раза. Следствие такой ситуации — повышенный риск обнищания для женской половины населения Украины, особенно в ситуации, когда женщина является единственным кормильцем в семье.

Какие причины обуславливают неравенство женщин в сфере труда? Генри Беккер, лауреат Нобелевской премии, дает такую классификацию [см.: 2]. Во-первых, дискриминация имеет место *со стороны работодателей* как во время приема на работу, так и затем при оплате труда. Во-вторых, существует дискриминация *со стороны потребителей*, обычно в тех сферах труда, где высока частота и интенсивность контактов с клиентами. И если клиент предпочитает, чтобы его обслуживал мужчина, то женщинам, претендующим на это рабочее место, придется соглашаться на более низкую оплату труда, чтобы при прочих равных условиях эта вакансия не была отдана претенденту мужчине. В-третьих, дискриминация *со стороны работников* (то есть коллег по работе) имеет место тогда, когда некоторые группы

¹ Жінки та чоловіки України (за даними Всеукраїнського перепису населення 2001 року). — К., 2004. — С. 138.

работников не желают вступать в трудовые отношения с лицами определенного пола. Например, часть мужчин и женщин не хотели бы работать под началом у женщины-руководителя.

- Относительно **гендерных качеств личности** проведенные опросы позволили получить **модели “идеальной женщины”** и **“идеального мужчины”**, функционирующие в общественном сознании. Их кратко можно охарактеризовать как **традиционные** (патриархатные). Никакого намека на проникновение идеала андрогинности в умы среднестатистического жителя Украины не наблюдается. Положительный момент данного феномена: нет гендерного конфликта, взгляды женщин и мужчин на “идеал” совпадают.
- Применительно к **гендерным биологическим (половым) сценариям поведения** эмпирически выявлено существование “двойной морали” касательно норм поведения мужчины и женщины. Так, мужчины более склонны прощать супружескую измену именно мужчинам, а не женщинам (считают, что “можно простить жене измену мужу” только 16% опрошенных мужчин, тогда как подобный проступок мужа прощают 28% из них.) Женщины же придерживаются одинаковой моральной нормы в обоих случаях: четверть из них считают, что измену можно простить независимо от того, кто ее совершил (опрос “За равные права и возможности”, 2002 год).
- Анализ **гендерно предписанного родства**, то есть прав и возможностей для каждого гендерного статуса в семейной ячейке показал, что в этой сфере жизнедеятельности нашего населения наиболее развиты демократические тенденции по поводу распределения власти и ответственности. Социологические исследования свидетельствуют, что большую часть украинских семей (приблизительно 70%) можно отнести к эгалитарным, демократическим, исходя из участия мужчины и женщины в принятии решений относительно важных проблем семейной жизни и реального распределения семейных доходов. По таким вопросам, как приобретение дорогих вещей, выбор местожительства, выбор учебного заведения для ребенка, круг семейного общения и воспитание детей и т. п., 50–70% опрошенных все решают вместе с партнером по браку (опрос “За равные права и возможности”, 2002 год). Надо сказать, что гендерный аспект распределения материальных ресурсов в семье, как показали исследования, зависит от ее социально-экономического статуса. Было выявлено, что жены, как правило, контролируют распределение денег в семьях с низким доходом, где управление финансами означает “контроль над дефицитом”, когда же доход высокий, эту функцию выполняют мужчины, так как большие деньги — это большая власть. В этом случае нередко только часть денег выделяется на содержание семьи (Н.Римашевская, Д.Ванной, 1999). Хотя большинство украинских семей можно охарактеризовать как эгалитарные, демократические, по оценке самих женщин семейная стратификация в нашем обществе еще довольно ощутима. Считают себя равноправными с мужчинами в семье более половины опрошенных женщин (55%); однако около четверти женщин указывают на свое подчиненное положение в семье по сравнению с социальным статусом мужчины; пятая часть опрошенных женщин вообще затрудняется дать ответ (мониторинг, 2003).

Главный вывод: предложенный методологический подход — рассматривать гендер как социальный институт — работает как теоретическая схема и обеспечивает вполне адекватное наполнение эмпирическими данными.

Хотелось бы подчеркнуть еще один очень важный момент. Любое исследование гендерных отношений как отношений институционализированных с необходимостью предполагает применение *конкретно-исторического подхода*. Как пишут П. Бергер и Т. Лукман: “Институты предполагают историчность и контроль. Взаимные типизации действий постепенно создаются в ходе общей истории. Они не могут быть созданы моментально. Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан” [2, с. 92–93]. Отсутствие конкретно-исторического подхода при рассмотрении гендерной проблематики приводит ко всякого рода мифологизации взаимоотношений полов в украинской истории. Миф типа “українська жінка завжди була незалежною” никогда бы не появился и не получил такого широкого распространения в средствах массовой информации и всякого рода публикациях, если бы трансляторы этого мифа были знакомы с общественным устройством жизни украинского народа в различные периоды его истории.

Относительно применения возможных социологических методологических подходов для изучения гендерных проблем достаточно продуктивным является использование *теории социального конструирования гендера*, разработанной исследователями феминистской направленности. Применение этого подхода сразу снимает несколько возможных (и часто встречающихся) методологических ошибок. Во-первых, этот метод стоит в оппозиции к биологическому детерминизму, отстаивающему эссенциализм, то есть сущностную неизменность деления на “мужское” и “женское”. Предполагается, что в основании культурной интерпретации пола лежит некая биологическая сущность, природой предписанный статус. В отличие от такой позиции, исходящей из биологического детерминизма, социальный конструктивизм считает, что половые роли не предписаны от рождения, а конструируются, создаются самим индивидом. Причем изначально не существует врожденной и навеки предопределенной мужской или женской сущности, личности. В. Ильин пишет: “Люди сами отбирают комплексы физических признаков (маркеров), с помощью которых проводят грань между мужским и женским полом. Эти признаки превращаются в социальные факты, пройдя через сознание людей, сортирующих их на “значимые” и “незначимые”. В результате одни признаки отбираются, другие игнорируются. Таким образом, граница физических полов является социальной конструкцией, поскольку она строится на основе классификации и отбора физических характеристик” [6, с. 188]. В этом смысле даже половые органы, по которым уже в первые минуты жизни индивида относят к тому или иному полу, являются не только биологическим, но и социальным конструктом, маркером, несущим определенные социальные смыслы. Кроме того, и сами половые физиологические различия совсем не абсолютны, что доказывают и феномен гермафродизма, и операции по смене пола.

В отличие от биологического детерминизма и эссенциализма, социальный конструктивизм утверждает, что половые роли не заданы самой природой, а социально конструируются (создаются) в определенных исторических и культурных условиях. Поэтому нет заданного изначально и навеки предопределенного “мужского” и “женского”, как часто считают сторонники обыденного “здорового смысла”. Все мужское и женское, как и молодое,

старое, национальное является социально сформировавшимся в разных контекстах, имеет разное содержание, предполагает разный опыт.

Надо сказать, что большинство чисто социологических теорий скрыто или явно содержат эссенциалистские представления об отношениях между полами. Не лишены данного методологического недостатка и такие классические направления социальной теории, как марксизм и структурный функционализм.

Социально-конструктивистская теория гендерных отношений по времени своего становления одна из самых новых среди всего многообразия теоретических подходов, применяющихся в этой сфере знания. И не следует думать, что заслуга в ее появлении принадлежит только исследователям феминистской ориентации. Вообще глубочайшим заблуждением является представление, что феминистские теории — это нечто совершенно отдельное от философских, социологических и экономических наук, их теоретических наработок и эмпирических фактов. Феминистское знание впитало и адаптировало многие достижения выше упомянутых наук, особенно касающиеся статусов и взаимоотношений полов в экономической, политической и семейной сферах. Вспомним хотя бы “половые группировки” П.Сорокина [7, т. 2, с. 125] или “неоплачиваемый домашний труд женщин” Г.Беккера [8, с. 27].

Но особое влияние на формирование социально-конструктивистской теории гендера оказали три теории постклассического социологического дискурса. Это социально-конструктивистский подход П.Бергера и Т.Лукмана, нашедший отражение в работе “Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания”, этнометодология Г.Гарфинкеля (описание случая смены пола как категоризация и практика гендера в повседневности) и драматургический интеракционизм И.Гофмана (гендерный дисплей).

Для П.Бергера и Т.Лукмана реальность одновременно является и объективной и субъективной, и как объективный феномен она постоянно создается индивидом. В своей совместной работе они акцентируют внимание на анализе *повседневных практик индивида*, совершаемых на основе имеющегося у него опыта, навыков и усвоенных им стереотипных представлений и социальных норм.

Представители феминистской социально-конструктивистской теории, так же как П.Бергер и Т.Лукман, фокусируются на повседневной практике, рассматривая ее в аспекте гендерных взаимоотношений. Появляется ряд феминистически ориентированных работ [9], в которых критикуется ролевая теория применительно к социополовым ролям. Во-первых, *возникновение “социополовой роли” как понятия было признано продуктом специфических исторических условий*. Была раскритикована конструкция половых ролей Т.Парсонса и его последователей, которая даже для 1950-х годов, времени ее создания, была достаточно устаревшей. Сконструированные ими идеальные типы мужского и женского поведения в семейной ячейке: мужская роль — инструментальная (добытчик, осуществляющий связь с публичной сферой) и женская роль — экспрессивная (оказание поддержки, забота и любовь для членов семьи, то есть в частной сфере), — такие концепты могли описывать только определенный сегмент социальной реальности: семью, принадлежащую к среднему классу, белой расе, проживающую в США и т.д., и не обладали инструментальными эвристическими возможностями при описании иной социальной реальности.

Отказ от концепции половых ролей и понимание пола как социального конструкта повлекли за собой и критику *теории половой социализации*, так как в центре поло-ролевой теории социализации — процесс научения и интериоризации культурно-нормативных стандартов, стабилизирующих социум. Научение предполагает усвоение и воспроизведение существующих норм. Как пишут Е.Здравомыслова и А.Темкина, “подоплекой этого концепта является представление о личности как относительно пассивной сущности, которая воспринимает, усваивает культурную данность, но не создает ее сама. Первое отличие теории конструирования гендера от традиционной теории гендерной социализации заключается в акценте на активности научаемого индивида. Идея конструирования подчеркивает деятельностный характер усвоения опыта: субъект *создает* гендерные правила и отношения, а не только усваивает и воспроизводит их” [10, с. 157]. Но если он их создает, значит, он может и разрушить их или изменить.

Второе отличие теории конструирования гендера от теории половых ролей заключается в том, что в первом случае гендерные отношения перестают рассматриваться как *взаимодополняющие*, а начинают изучаться в категориях *власти и конфликта*, сопровождающего изменения в содержании мужских и женских ролей.

Значительный вклад в формирование метода социального конструирования гендера внесла этнометодология Г.Гарфинкеля. Сущность гендерных отношений и их производство (“*doing gender*”) Г.Гарфинкель исследует, изучая особый случай транссексуализма и последующей смены пола посредством хирургической операции (случай Агнесс) [11]. При этом он вводит следующую систему понятий: *биологический пол (sex)*, *категоризация пола (приписывание пола)* и *гендер*. Особо подчеркивается, что сам механизм производства гендера ярко проявляется в ситуации такого гендерного сбоя (*gender trouble*), каким является случай Агнесс.

Наблюдая трансформации повседневного поведения Агнесс — мужчины, сменившего пол, создавшего/ей семью и занятой построением своего женского гендера ежеминутно, ежечасно, — Г.Гарфинкель описывает гендер как результат межличностных взаимодействий, причем гендерный статус в описываемом случае не достигается раз и навсегда (и только по факту смены биологических половых признаков), а воспроизводится в коммуникативных ситуациях, т.е. Агнесс постоянно приходится бессознательно приписывать себя к женскому полу, то есть проводить операцию *категоризации по полу*. Отсюда делается вывод, что категоризация по полу атрибутивна социальному взаимодействию, и когда один из участников такого взаимодействия затрудняется в определении (категоризации) пола другого участника, наступает ситуация коммуникативного срыва, поскольку непонятно, по какой гендерной схеме должно осуществляться это взаимодействие. Гендерные взаимодействия отличаются по способу исполнения, содержанию и структуре иерархии в различных культурных средах. Очень обобщенно гендер можно определить как работу культуры по приписыванию (категоризации) и созданию (производству) определенного социального пола.

Еще одной социологической теорией, которая внесла определенный вклад в создание теории социального конструирования гендера, был драматургический интеракционизм И.Гофмана, в частности было заимствовано понятие “гендерного дисплея” как микроконтекста социального гендерного взаимодействия [12]. Это взаимодействие совершается между индивидами в

процессе межличностного контакта и обмена информацией, часто без какой-либо рефлексии по этому поводу. Гендерный дисплей как презентация своей половой принадлежности в процессе взаимодействия с другими настолько сложен и тонок, что не сводится только к речевым высказываниям или одежде и другим внешним маркерам. Значение имеет: интонация, выражение лица, пластика тела и, особенно, иерархия расположения тел индивидов в этом взаимодействии. Причем, как подчеркивают исследователи феминистской ориентации, этот гендерный дисплей культурно детерминирован.

И.Гофман также отмечает, что общение между индивидами осуществляется на основе *формальных конвенциональных актов* (моделей уместного и правильного в данной ситуации гендерного поведения). Причем “правильное” воспроизведение этих актов предполагает, что индивиды социально компетентны в том, как должно осуществляться это построение гендерного дисплея. Постоянное социальное воспроизводство дихотомии мужского и женского в гендерном дисплее обеспечивает сохранение социального и гендерного порядка. Но как только презентация гендерного дисплея отклоняется от предписанной нормы, мужской или женской, его исполнитель (исполнительница) попадает в ситуацию гендерной проблемы, что наказуемо общественным осуждением.

Переходя собственно к описанию основных положений теории социального конструирования гендера, следует сделать акцент на таких ее составляющих. Во-первых, и это главное, социально-конструктивистская теория гендера утверждает, что в основе гендерных институциональных отношений лежат отношения по поводу распределения власти. Власть, которой обладают мужчины (а также взрослые, работодатели и т.д.), дает им определенные привилегии; одновременно сам традиционный гендер связывает маскулинность с властью, а феминность — с покорностью и подчинением. Таким образом, гендерные отношения — это *отношения стратификации*. Причем этот процесс гендерной стратификации маскируется под якобы природой предопределенное кардинальное несходство мужской и женской личности. Однако данные научных исследований говорят о том, что между мужчинами и женщинами по многим физиологическим, психологическим, интеллектуальным и т. п. показателям больше сходства, чем различий, поэтому построение гендера как полярной дихотомии мужских и женских качеств личности и способов поведения требует *подавления (или замалчивания) естественного сходства для поддержания традиционного (патриархатного) гендерного порядка*.

В рамках социального конструирования гендера гендерная стратификация изучается как *неравенство возможностей и жизненных шансов*, предоставляемых обществом для женщин и мужчин. Данные приведенной выше таблицы иллюстрируют возможности такого методологического подхода.

Во-вторых, и это тоже очень важно, социальные конструктивисты отказываются от двух доминировавших в социологии и психологии концепций: социальных (гендерных) ролей и психологических половых различий. С точки зрения исследователей этого теоретического направления, гендер нельзя мыслить как социальную роль, потому что такая роль ситуативна и сводима к набору операций. Причем именно гендерная окраска присутствует вообще в исполнении большинства социальных ролей; например, роль начальника в исполнении мужчины и женщины может требовать применения не только различных методов управления — применительно к женщине-на-

чальнику недостаток ресурсов власти может компенсироваться женским обаянием или другими ресурсами гендерного маскарада.

Ситуативность ролей хорошо иллюстрируется исследованиями тех ситуаций, когда в силу каких-то причин традиционно мужские или женские роли меняются местами. Так, изучая феномен родительства, Б.Рисман обнаружила, что мужчины, которым приходится день за днем исполнять также функции матери, начинают думать и вести себя таким же образом как женщины-матери [13, с. 32]. Возникает вопрос: если мы отказываемся от понятия гендерная роль, то как мы можем обозначить некую базовую сущность индивида, безусловно, гендерно окрашенную? Социальные конструктивисты используют термин *гендерная идентичность*, а вместо гендерной социализации вводят понятие *рекрутирования гендерной идентичности*.

Как уже отмечалось, термин “социализация” предполагает усвоение индивидом социально одобряемых образцов гендерного поведения; таким образом консервируются и патриархатные гендерные стереотипы, не соответствующие новым реалиям жизни. Однако люди в практике повседневной реальности создают новые гендерные отношения, вносят что-то новое, иное в конструирование своей гендерной идентичности. Кроме того, термин “рекрутирование гендерной идентичности” отражает выбор, отнесение себя к категории по полу, происходящее уже в первые годы жизни и продолжающееся, как и построение своего гендера, всю жизнь. Таким образом, новая гендерная перспектива переместила акцент с социализации на процессы категоризации (приписывания) пола и стратификации.

Предложенные в статье новые теоретические подходы к исследованию феномена гендера могут уберечь исследователей от распространенных в области гендерных исследований методологических ошибок, а сама теория социального конструирования гендера способна помочь эффективно исследовать нашу украинскую гендерную реальность.

Литература

1. Гофман И. Порядок взаимодействия // Теоретическая социология. — М., 1993. — С. 61–104.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М., 1995.
3. Парсонс Т. Прологомены к теории социальных институтов // Человек и общество. — К., 1999. — С.136–147.
4. Lorber J. Paradoxes of Gender. — Yale, 1994.
5. Лавріненко Н. Характеристика малих та середніх підприємств в Україні (гендерний аспект) // Проблеми розвитку соціологічної теорії. — К., 2004. — С. 189–193.
6. Ильин В. Социальное неравенство. — М., 2000.
7. Сорокин П. Система социологии. — М., 1993.
8. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. — 1993. — Т.1. — Вып.1. — С. 5–15; Беккер Г. Экономика семьи и макроповедение // США: ЭПИ. — 1994. — № 6. — С. 26–32.
9. Breines W. The 1950-s: Gender and Some Social Science // Sociological Inquiry. — 56. — P. 69–92.
10. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. — Харьков, 2001. — С. 147–173.
11. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. — New York, 1967.
12. Goffman E. Frame Analysis of Gender // Goffman Reader. — Oxford, 1997.
13. Risman B. Intimate Relationships from a Micro-Structural Perspective: Men Who Mother // Gender and Society. — Vol. 1. — № 6. — P. 6–32.